

АННА ГЕРМАН

МЫ ДОЛГОЕ ЭХО

Легенды авторской песни

Анна Герман
Мы долгое эхо

«Алисторус»

2012

Герман А.

Мы долгое эхо / А. Герман — «Алисторус», 2012 — (Легенды авторской песни)

Перед вами – исповедальная автобиография Анны Герман, долгие годы одной из самых любимых в нашей стране певиц, в основу которой положены авторские тексты, интервью советским и польским журналистам. В книге также публикуются воспоминания матери певицы, пани Ирмы Мартенс, близких друзей. Раскрывая незабываемую артистку как яркую личность и талантливого человека, прошедшего через тяжелые испытания судьбы, она адресована самому широкому кругу читателей, прежде всего из числа ее многочисленных поклонников.

© Герман А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Звезда минувших дней	6
Вернись в Сорренто?..	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Герман

Мы долгое эхо

© Ильичев И.М., составление, 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Светлой памяти Анны Николаевны Качалиной – самой близкой подруги Анны Герман

Звезда минувших дней *От составителя*

*Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.*

*Звезда любви, звезда волшебная,
Звезда моих минувших дней,
Ты будешь вечно неизменная
В душе измученной моей.*

*Лучей твоих неясной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я – ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда...*

Стихи Василия Чувского
Музыка Петра Булахова

«У каждого человека есть своя звезда. Моя звезда – песня», – говорила во многих интервью Анна Герман.

Ее судьба – яркий пример того, как человек приносит свой дар в жертву людям. Ее неземной красоты голос любим миллионами людей во всем мире. Это необыкновенное явление в истории мировой музыки. Воздействие, которое оказывало и продолжает оказывать пение Анны Герман на людей, сравнимо лишь с воздействием высшего чувства. Ее голос действует подсознательно, пробуждая в душе необъяснимые словами порывы и вибрации. Именно благодаря песне, благодаря звукозаписи, многие поколения имеют возможность наслаждаться этим волшебным творчеством, становясь духовно богаче, мудрее, добрее и честнее.

Эта книга дарит почитателям таланта Анны Герман возможность познакомиться с литературным трудом певицы. Биографическая повесть «Вернись в Сорренто?..» была написана в трудный период жизни Анны, в 1969 году. После трагической автокатастрофы в 1967-м в Италии Анне потребовалось два с половиной года, чтобы вернуться к жизни и вновь выйти на сцену. В этом ей помогла работа над своими воспоминаниями. Впервые читателю предоставляется возможность ознакомиться с их полным текстом, без сокращений и цензуры, которым книга подверглась при издании в СССР в 1987 году.

«Сказка о быстрокрылом скворце» – уникальная находка в домашнем архиве Анны Герман в Варшаве. Эту сказку Анна написала незадолго до ухода из жизни для своего сыночка Збышека. Более двадцати лет о существовании этого удивительного произведения никто и не подозревал, пока случайно не был обнаружен его текст.

В книгу также включены избранные интервью Анны Герман, публиковавшиеся в советской и польской прессе в разные годы. Особую ценность представляет интервью 1979 года эстонскому журналисту Антсу Паю. Это единственное интервью в жизни Анны Герман, имеющее характер исповеди.

Эссе «Анна Герман» авторства Анастасии Ивановны Цветаевой (родной сестры Марины Цветаевой) позволяет нам более глубоко раскрыть внутреннюю суть творчества артистки. Слог

Анастасии Ивановны всегда отличался своим изяществом, а в отношении к Анне Герман чувствуется особенная любовь и интерес автора к певице.

В книгу также вошли интервью Анны Герман советским и польским журналистам – Лии Спадони из Ленинграда, Аркадию Бржозовскому из Минска, Илье Окуневу из Москвы и др.

На страницах книги читатель познакомится с теплыми воспоминаниями об Анне Герман ее друзей – Александра Жигарева, архимандрита Виктора (Мамонтова), монахини Екатерины (Алексеевой).

Весьма интересными для российского читателя окажутся воспоминания матери певицы, которыми она поделилась со Збигневом Ендрыховским, исследователем творчества Анны Герман из Вроцлава.

Главная задача этой книги – через слово самой Анны Герман, ее друзей познакомить читателя с личностью и внутренним миром певицы.

Как автор-составитель книги, хочу выразить благодарность семье Анны Герман – Збигневу-Антонию Тухольскому (мужу Анны), Збигневу-Иварру Тухольскому (сыну Анны), а также Анне Николаевне Качалиной, монахине Екатерине Алексеевой, Лии Леонидовне Спадони, Ольге Чернятьевой, Збигневу Ендрыховскому, Ольге Ивасенко, Витольду Боревичу и всем поклонникам певицы, кто поддерживал и вдохновлял это издание.

Иван Ильичев

Вернись в Сорренто?..

Биографические записки

Моей матери

*В осенний сад зовут меня
Воспоминания мои...
Горит оранжевый наряд,
И воздух свеж, и журавли курлычут
в небе...*

*И кажется, что мы с тобой
Не расставались никогда.
Ты словно солнце и вода
Живешь со мной не разлучаясь...*

*И так подряд уж много лет,
Когда приходит осень вновь,
Хочу найти затихший сад,
Чтоб все мечты и всю любовь
вернула Память...*

*И голос твой услышу вдруг.
Слова, как теплые огни
Зовут меня в былые дни.
Мне не забыть тебя.
Я знаю...*

Владимир Сергеев. «Осенняя песня»

Дорогие читатели!

На протяжении тех пяти бесконечно долгих месяцев, что мне пришлось лежать в гипсовой скорлупе, а также многих последующих месяцев, когда я лежала в постели уже без гипса, я неоднократно клялась себе, что больше ни за что не вернусь в Италию и даже не буду вспоминать о ней.

Решение это родилось у меня еще там, в Италии, когда ко мне впервые полностью вернулось сознание. Строго говоря, это произошло на седьмой день после катастрофы, однако действительность возвращалась ко мне лишь эпизодически. Так что в минуты прояснения, отдавая себе отчет, что со мной случилось и где я нахожусь, я утешала себя, бормоча: «Никогда больше сюда не приеду». После чего – в зависимости от душевного состояния, от того, насколько острой или уж совсем нестерпимой становилась боль, – я отпускала несколько не очень лестных эпитетов в адрес Апеннинского полуострова и уровня моторизации, которого достигли его жители.

Тут я должна сделать маленькое отступление.

Я не большая охотница до так называемых «крепких» словечек. Это явный просчет в моем воспитании. Моя бабушка повинна в том, что я не умею (и – что еще хуже – не люблю) пить, курить и употреблять сильные выражения.

Считаю это признаком недостаточно развитой фантазии. Однако не хочу выступать в роли моралистки – готова согласиться даже, что подобные привычки в определенных обстоятельствах действуют успокоительно, а порой прибегнуть к ним просто необходимо.

К безграничному изумлению моей мамы, моего жениха (и, не веря собственным ушам), в самую тяжелую минуту я могла произнести все эти сильные выражения, которые когда-либо слышала или вычитала из книг, – совершенно запросто, подряд, без сколько-нибудь логической связи. А если произнесенный монолог не доставлял желанного облегчения – в силу недостаточного профессионализма в этой области, – то повторяла все «da capo al fine» (с начала до конца. – *Ред.*).

Неприязнь к богатой песнями Италии преследовала меня столь упорно, что в конце концов мне удалось убедить маму в необходимости перевезти меня в Польшу – и буквально в чем была. Прошу прощения – в чем лежала. В гипсе до самых ушей, полностью отданная на милость окружающих. Это удалось, о чем будет сказано ниже.

Теперь я хочу объяснить, почему я все-таки пишу, возвращаясь памятью к тем дням.

Как во время моего пребывания в трех итальянских больницах, так и позднее в Польше, я получала и продолжаю получать массу писем от незнакомых людей, которые искренне сочувствуют мне в связи с постигшей меня бедой. Я не в состоянии ответить на все письма, даже если бы очень хотела.

Кроме того, до меня время от времени доходят невероятные слухи о себе самой. Удивляться тут нечему – я знаю, что они вызваны отсутствием верной информации и неподдельной доброжелательностью. Вот я и подумала, что мой долг перед слушателями – вернуться к моим итальянским впечатлениям.

Я решила описать все, что помню, и при этом как можно точнее и правдивее, имея в виду, что в Польше, пожалуй, немного найдется людей, у которых не было бы собственного мнения относительно песни и всего с ней связанного.

Возможно, мои заметки прочитают и те, кто не дарил меня своим расположением; пусть они воспримут в этом случае мой отчет как обыкновенный репортаж о путешествии.

Главным поводом для открытого письма моим слушателям является прежде всего чувство признательности тем, кто мысленно был со мной рядом в это трудное для меня время.

Мою задачу облегчает то, что я нахожусь далеко от Италии, дома, среди близких и друзей.

Хотя мой контракт действителен до конца 1969 года, никто не может потребовать от меня, чтобы я вернулась к работе, вернулась в Италию петь – уже по одной той причине, что мне еще нельзя петь и понадобится много времени, чтобы полностью восстановить здоровье. А потому мой корабль стоит на якоре в родном порту, где меня не могут настигнуть штормы. Вот отчего я так расхрабрилась! И все же я прошу о снисхождении. Правда, в школе у меня по польскому была пятерка, но с этой поры мои контакты с пером и бумагой ограничивались лишь письмами, написанными чаще в отчаянном тоне. Так что даже чувство юмора оказалось во мне загипсованным. Но зато все мои высказывания будут откровенными, как в письмах к маме, без примеси хвастовства, без малейшего оттенка саморекламы. Для рекламных целей мне вполне хватило самой катастрофы.

Анна Герман

Варшава, июль 1969 года

Октябрь 1966 года был на редкость теплым и солнечным. Я сидела в своем номере в гостинице «Варшава», набрасывая в блокноте перечень дел на завтра. Их набралось ужасно много.

Поскольку в Варшаве у меня не было квартиры (ее, впрочем, нет до сих пор), я всегда стремилась как можно быстрее закончить самые неотложные дела, чтобы тем самым свести

свое пребывание в гостиницах до минимума. Разумеется, из финансовых соображений. Существенную часть моих гонораров поглощали счета варшавских гостиниц.

Мои раздумья – успею ли я за час доехать до радиокомитета и обратно – прервал телефонный звонок. Я взяла трубку и услышала мужской голос, обладатель которого проинформировал меня, что звонит из Милана, что будет в Варшаве через несколько дней, и осведомился, не хотела ли бы я подписать договор на три года с миланской студией грамзаписи CDI.

Выслушивая все это, я лихорадочно перебирала в уме имена своих знакомых, силясь отгадать, кто же автор розыгрыша. В конце концов, решила, что это никто иной как один мой приятель Болек Громницкий. Видимо, он приехал в Варшаву и теперь, пользуясь своим непостижимым для нас, простых смертных, даром перевоплощения, развлекается, дурача знакомых. Помню, как во время поездки нашей группы, состоящей из тридцати человек, в США и Канаду он уже на «Батории» именно таким образом использовал телефон, умудряясь не нарваться при этом на «сильные» выражения. Я и сама не раз становилась его жертвой. Следует отметить, что иностранные языки вовсе не представляли для него трудности – если в том возникала необходимость, Болусь Громницкий мог изъясняться на любом языке.

Итак, я не поддавалась, посмеиваясь и уверяя, разумеется, по-польски, что на сей раз ему меня не провести. Однако уже в следующую минуту я с изумлением обнаружила, что на другом конце провода меня в самом деле совершенно не понимают. Чему же удивляться, если это был настоящий итальянец, не знавший ни одного польского слова! (Да простит меня мой приятель Громницкий за несправедливые подозрения).

Спустя несколько дней действительно прилетел господин Пьетро Карриаджи – лысеющий блондин, но истинный итальянец, владелец студии грампластинок «Compania diskografica Italiana» (CDI), которая и предлагала мне работу.

Во время нашей официальной беседы при участии заместителя директора «Пагарта» (Пагарт – ведомство, занимавшееся в Польше заграничными гастрольями артистов. – *Ред.*) пана Владислава Якубовского господин Карриаджи старался в самом радужном свете обрисовать перспективу, которая ожидает меня в Италии, а именно в его студии. Он счел возможным прибегнуть даже к рекламным приемам, уверяя, что в его студии записывались такие знаменитости, как Марио дель Монако.

Позднее оказалось, что знаменитости являются как бы общенациональной собственностью и закон о принадлежности к какой-нибудь одной студии на них совершенно не распространяется. Они могут записываться всюду, даже в такой незначительной студии, как CDI. Студия же записывает их для рекламы и платит за это изрядную сумму. Но я ни о чем не подозревала, подумав: «Ого, сам Марио дель Монако! Стало быть, это солидная фирма, котирующаяся на итальянском рынке».

Однако повлиял на мое решение иной довод. Я всегда питала слабость к итальянским песням: у них красивые мелодии и их легко петь на итальянском. Перед тем как позвонил господин Карриаджи, я уже недели две оттягивала подписание договора с западногерманской фирмой грампластинок «Esplanade».

В конце концов, я выбрала Милан.

Надо, пожалуй, упомянуть, как вышло, что мне позвонили из Милана. Редактор одной из наших радиостудий поддерживает постоянные контакты с итальянскими студиями, которые присылают ему новинки из Италии. В ответ пан редактор шлет им польские пластинки. В числе других дисков оказался и мой, долгоиграющий, записанный в студии «Polskie nagrania». Пластинка понравилась, а моя кандидатура, как я узнала позже, прошла единогласно.

Дело в том, что Пьетро Карриаджи управляет своей фирмой сам, без компаньонов. У него работают около двадцати человек, в том числе его брат и отец. Своего положения Пьетро, несомненно, достиг благодаря таким чертам характера, как выдержка, решительность, оперативность и жесткость в сочетании со склонностью к диктатуре. Удивляться тут нечему, ибо

тяжела жизнь бизнесмена в непрерывной конкурентной борьбе за выживание, за рынок – за все! Но Пьетро порой может быть великодушным и очень гордится, видя признание со стороны своих близких. С этой целью он позволяет высказываться по вопросам музыки даже портье и уборщицам. А иногда считается с их мнением.

Между прочим, в данном случае он твердо уверен, что ничем не рискует, поскольку эти простые люди высказывают, как правило, и объективную оценку. Так было и в тот день, когда пришла моя пластинка. К общему «да» присоединила свой голос также самая значительная особа в этом замкнутом мирке – худенькая, милая, исполненная доброты пожилая дама, глава клана синьора Ванда Карриаджи.

Начались приготовления к моей первой поездке в Милан. Времени было, в общем, мало-вато; итак, еще одно собственноручно сшитое платье, несколько экземпляров нот, новый итальянско-польский словарь с правилами грамматики...

Наступил день отъезда. Последняя прощальная улыбка из-за стеклянных дверей в Окенче... (Окенче – варшавский аэропорт. – *Ред.*)

В миланском аэропорту мы приземлились поздно вечером. Там меня уже поджидали. После обмена приветствиями Пьетро представил мне молодого человека по имени Рануччо Бастони, который с той минуты должен был стать моим личным импресарио.

– Рануччо – журналист, – заявил Пьетро. – Он будет сопровождать тебя в течение всего дня на все встречи, будет отвозить тебя, привозить обратно и заботиться обо всем, что касается твоего паблисити в Италии.

Это звучало довольно утешительно. Правда, меня несколько огорчил тот факт, что журналист не владеет никаким иностранным языком. «Ну ладно, по крайней мере буду не одна», – подумала я.

Мы поехали в гостиницу. Однако я не успела ни оглядеться, ни отдохнуть с дороги. Оказалось, что уже на следующий день мне предстоит важная встреча с журналистами на знаменитой Terazza Martini и следует должным образом подготовиться к этой встрече.

Начались посещения домов моды (тех, что еще были открыты в этот поздний час). Я с тревогой заметила, что мне подыскивается платье для коктейля длиной не ниже чем до середины бедра. В Польше самые смелые девушки уже давно носили платья такой длины, но я все еще не решалась. Вовсе не потому, что мне было не по душе изобретение Мэри Квант. Напротив! Могла ли, однако, я, испытывающая постоянный стресс вследствие иронии окружающих по поводу моего роста, позволить себе туалет, который, подобно магниту, притягивал бы взоры прохожих и тем увеличивал бы мои страдания?

«Нет, такой мазохисткой я ни за что не стану, даже ради искусства», – подумала я и робко предложила пойти в своем маленьком черном платье. Это было сочтено милой шуткой, и мне притащили очередную охапку туалетов. (Позже мое «маленькое черное» было полностью реабилитировано.)

Во избежание неясностей и недомолвок приведу, пожалуй, мои «параметры». Рост 184 см, а все остальное – во вполне удовлетворительной пропорции. Итальянки же в массе своей невысокие.

Если бы все это происходило в Швеции, Англии, Америке или Голландии, то до 23.00 я непременно подыскала бы что-нибудь подходящее, но я была в Италии, и мои мучения возрастали с каждым потерянным часом. Наконец, уже после полуночи, еле держась на ногах от усталости, я решилась на небольшой шантаж.

– Или вот это платье, или пойду в своем собственном!

Мои спутники тоже были утомлены и потому согласились на платье из джерси кораллового цвета и французские серебряные туфли. Французские – ибо у меня 40-й размер, а среди итальянских такого просто нет, то есть имеются, но в действительности соответствуют нашему

39-му. Поверх всего полагалось накинуть пальтецо из искусственного меха розоватого оттенка. Именно только накинуть, ибо надеть его как следует я попросту не могла. Оно было мне узко в плечах, а рукава коротки. Волосы мне велено было распустить, но, поскольку они у меня выются от природы, пришлось долго «распрямлять» их в парикмахерской. Но и без того я чувствовала себя как Офелия в сцене безумия. Садясь на следующий день в машину в этом абсолютном «снаряжении», я с чувством какой-то растерянности, удрученно подумала: «Ну, к чему все это? Для кого?»

Подразумевалось, что для меня. Но я многое дала бы тогда за то, чтобы отправиться на эту встречу одетой в свое собственное платье, а волосы заплести в косу, перекинув ее на спину, – такая прическа, кстати, в тот сезон была очень модной.

Нет, та девушка в розовом, с улыбкой позирующая для снимков, раздающая автографы, – это была не я.

Довольно скоро я почувствовала себя как боксер на ринге, которому грозит неминуемый нокаут, а до конца раунда еще невероятно долго.

Требовалось непрерывно отражать удары противника, то есть давать интервью на нескольких языках представителям газет и журналов, не допускать возникновения напряженной атмосферы, когда речь заходила о политических проблемах, отвечать на глупые и провокационные вопросы шуткой. Шутка – мое безотказное оружие, к которому я часто прибегала, поскольку искренность, правдивость нередко трактовались превратно, приводя к прямо противоположному результату. Приятной стороной этой встречи было знакомство со многими интересными людьми – музыкантами, композиторами, актерами. Присутствовал там и представитель нашего консульства в Милане.

В продолжение всей встречи из безупречно действующих репродукторов, размещенных так умело, что их совсем не было заметно, негромко звучали мелодии моих песен с польской пластинки. Это было как бы знамением, смысл которого я тогда еще не понимала. Кончилось, мол, время, когда ты могла распевать. Теперь пение перестало быть самым важным делом, а вскоре оно вообще отодвинулось куда-то на задний план. Теперь я должна была только говорить, прежде всего, говорить – все ради того, чтобы выйти на пресловутый «рынок». А поскольку по характеру я скорее мягкая, в меру отходчивая, то я и не объявила забастовки в отместку за «розовость», не наложила, топнув ногой, «вето», а с пониманием восприняла план средневековой эксплуатации человека человеком на весь последующий период, вплоть до дня моего возвращения домой. Мало того, в душе я еще корила себя за старомодность и неумение идти в ногу со временем. Я намеренно употребила выше определение «средневековая эксплуатация», ибо правдивым изображением фактов хотела бы умерить восторг (часто перерастающий в зависть) не посвященных в детали людей относительно положения польской певицы за рубежом.

Каждый выезжающий за границу артист получает от «Пагарта» незначительную сумму, которая должна обеспечить ему возможность: 1) пользоваться телефоном, в случае, если никто из организаторов не явится в аэропорт (или на вокзал); 2) заказать себе прохладительный напиток с целью успокоить нервную систему, ибо это как раз та ситуация, при которой даже сильно развитое чувство юмора может подвести. На такси нескольких долларов не хватит, ведь аэропорт обыкновенно расположен далеко от центра, а поездка городским транспортом в чужой стране, да к тому же еще с багажом, – это уж, я считаю, для женщины чересчур.

Поскольку за гостиницу и питание платил синьор Карриаджи, а возил меня мой личный охранник – Рануччо, то, казалось бы, мне было нечего и желать. Но человек так странно устроен, что время от времени ему хочется выйти на улицу и за углом в киоске купить себе газету. Можешь и не читать ее вовсе, но важно хоть на минуту почувствовать, что ты сам себе хозяин. Увы, этой привилегии я была лишена.

Самой же унижительной была минута, когда официант, принеся еду, замешкается в дверях в надежде на чаевые. Ведь я не могла даже сказать: «Извините, у меня нет ни гроша», я представляла фирму CDI, была иностранной звездой, фотографии которой публикуются в прессе, а песни звучат по радио. Я все больше убеждалась в том, что пренебрежительная улыбка официанта – поистине одно из самых тяжелых жизненных испытаний.

Но не каждый официант «одаривал» меня именно такой улыбкой. В маленьком баре при гостинице работал в числе других невысокий коренастый сицилиец Джузеппе. Университета он, по всей видимости, не кончал, но зато весьма хорошо разбирался в людях и был отменным психологом. Он мгновенно понял мое положение, вследствие чего я никогда не испытывала неловкости в его присутствии. Как-то Джузеппе рассказал мне короткую историю своей жизни, типичную для южанина. Происходил он из многодетной деревенской семьи. «Однажды, – говорил он, – голод вынудил меня принять трудное решение. Я заявил матери, что отправляюсь на поиски работы. Не знал даже, куда пойду. Прощаясь, плакал. Мне было тринадцать лет. Нечего и объяснять, что я брался за любую работу, какая только попадалась. На добытые гроши я должен был существовать в чужом городе и, разумеется, не забывал помогать матери. Так что после всего пережитого службу в армии, откуда недавно демобилизовался, вспоминаю как чудесные каникулы. Совсем недавно мне удалось получить место бармена в гостинице».

Как я уже сказала, биография Джузеппе была типичной биографией южанина. Именно молодые люди главным образом вынуждены покидать родные края, отправляться на заработки, а так как единственное их богатство – сильные руки, то, попав в промышленный город, они не находят слишком большого выбора, где и кем работать. Для учебы у них никогда не хватало ни времени, ни средств. Горничные в моей гостинице также были родом из различных южных областей.

Я прожила в Италии полгода, с перерывом на краткий отдых в Польше, но даже и столь недолгое пребывание позволило мне сориентироваться в некоторых внутренних проблемах этой страны. Итальянцы с севера относятся к своим южным соотечественникам если и не презрительно (не знаю, имею ли я право употребить столь сильное слово на основании моих наблюдений), то, во всяком случае, не слишком доброжелательно, зачастую с долей иронии. Они считают себя, несомненно, выше южан. К примеру, конференсье и комики в развлекательных программах, желая развеселить зрителей, переходят на неаполитанский диалект – этого бывает достаточно, чтобы заурядная острота вызвала общий смех. Или вот иной пример размежевания севера и юга. На широко известный фестиваль песни в Неаполе не приезжает никто из уважающих себя «звезд» севера, а когда я, после неапольского фестиваля, захотела в Милане включить в свой репертуар несколько песен на неаполитанском диалекте, то в ответ на мое предложение только пожали плечами. Я знаю, что подобная «географическая дискриминация» в той или иной мере существует во многих странах. Я еще не слышала об абсолютном спокойствии, братстве и единстве в границах одной страны. Зато известен факт, что перед лицом опасности, грозящей извне – все эти территориальные различия и личные распри становятся совершенно неважными.

Я не намерена критиковать существующие в Италии взаимоотношения, а тем более осуждать их. У меня попросту нет на это никакого права. Я не настолько хорошо знаю историю Италии, чтобы отыскать в прошлом этой страны причины, объясняющие нынешнюю обстановку, но одно заявление могу сделать без колебаний и даже поклясться, если кто-нибудь того потребует: мои симпатии на стороне собратьев бармена Джузеппе. И не потому даже, что подобные чувства всегда пробуждаются в нас в отношении к тем, кого несправедливо, без оснований третируют. Просто южане мне нравятся. Они доброжелательно относятся к людям, независимо от того, с севера они или с юга. Они еще не заражены самой страшной болезнью нашего времени – бесчувственностью, равнодушием к судьбе живого или умирающего на их глазах человека.

Всем им присуща глубокая, искренняя любовь к родной земле. Кто хоть раз слышал, как поет о своей родной деревне южанин, тот мне поверит.

У итальянцев вообще сильно развиты родственные чувства. Привязанность итальянских сыновей к своим матерям вошла в пословицу. Часто, однако, она бывает несколько показной, словно демонстрируется в порядке саморекламы: «Вот, дескать, какой я хороший сын». Впрочем, каждый итальянец всегда немножко актер, и бороться с этим – напрасное дело, но бармену Джузеппе вроде бы не перед кем было играть, когда он посылал матери свои жалкие гроши. То же самое относится к религии. Итальянцы веруют горячо и глубоко. Именно таким был Джузеппе.

В свой второй приезд в Милан я подарила ему вырезанных из дерева кукол, составляющих маленькую забавную сценку. Приближалось Рождество Христово, и такой сувенир показался мне уместным. Джузеппе очень обрадовался. Разместил кукол на полке в своем баре и долго рассматривал ручную работу художника-гуралья (гураль – житель гор, польских Татр. – *Ред.*). Куклы стояли там до самого моего отъезда. Быть может, стоят и по сей день...

Ввиду того, что я передвигалась по Милану только на машине, да и то вечно в спешке, я не слишком много могла рассказать в Польше своим знакомым о самом городе и его архитектурных памятниках. Единственное, что я видела часто и с разных сторон, – это нижние фрагменты великолепного кружевного собора. Я не случайно пишу «нижние фрагменты» – ведь из машины ровно столько и можно увидеть, – но даже и эти фрагменты вызывали у меня восхищение.

Еще в самолете я радовалась при одной только мысли, что буду иметь возможность пойти в знаменитый «Ла Скала». К сожалению, в плане моих занятий этого не предусматривалось. Правда, несколькими днями позже Рануччо подвез меня к зданию оперы (к слову сказать, я была немного разочарована его неимпозантным внешним видом), но лишь затем, чтобы сфотографировать меня в обществе весьма привлекательных карабинеров. Не знаю уж, чем руководствуются итальянцы, выбирая форму мундиров. Быть может, здесь играет роль их любовь к театральности, ибо эти великолепные мужчины в своих пелеринах и золотых шлемах с султанами производят впечатление статистов, которые ускользнули с репетиции, чтобы пропустить по стаканчику вина в ближайшем баре.

Мне все-таки удалось побывать в «Ла Скала» на «Трубадуре» – меня пригласили мои друзья, – но это уже позднее, во время следующего приезда в Милан. Я должна хотя бы в двух словах рассказать о реакции здешней публики, когда их кумиры исполняют знаменитые арии. Поскольку театральный сезон только что открылся, в тот день в театре было много иностранцев. Гуляя во время краткого антракта по фойе, я невольно вспомнила легенду о Вавилонском столпотворении – столь многоязычным был людской говор, достигавший моих ушей. Но это лишь в фойе – в зале же решительный перевес оказался на стороне итальянцев. Только их и было слышно. Каждая исполняемая любимцем ария вызывала не просто овации, которые раздавались иногда в самый неподходящий момент, совершенно заглушая солиста, но, главное, громкие возгласы, восхищенные похвалы, сопровождаемые бурной жестикуляцией. К примеру: «Ты великолепна! Ты несравненна! Другие рядом с тобой – ничто! Мой победитель! Люблю тебя, обо-жа-аю! Умираю от восторга!» На последнем ярусе рьяно аплодировала группа мужчин, по всей видимости, клакеров. Поведение их явно указывало на это, хотя, по моему, представление и так проходило на очень высоком уровне.

...На следующей неделе меня ожидал тяжкий труд манекенщицы. Рануччо являлся за мной в гостиницу – чаще всего с огромным опозданием – и отвозил в Дом моды. Там начиналась многочасовая изнурительная работа. Возможно, что кто-нибудь из людей, не посвященных в детали, прочтя это, недоверчиво усмехнется, но профессионалы меня наверняка поймут и в случае необходимости подтвердят справедливость моих слов.

К чисто физической усталости присоединялось нервное напряжение. А все из-за тех несчастных добавочных сантиметров, которыми наделил меня творец. Однако я не должна была показывать вида. В каждом новом месте я с улыбкой выслушивала изумленные замечания по этому поводу. А сколько было попыток помериться со мной ростом! Те итальянцы, что были пониже, подскакивали, чтобы дернуть меня за косу. А поскольку таких низкорослых было очень много и даже у святых терпение не бесконечно – мне приходилось по нескольку часов ночью приходить в себя, чтобы успокоиться и подготовиться к следующей баталии.

Сюда следует добавить и замечания фотографов. «Прошу вас понять, синьора, – убеждал меня как-то раз один из них, – вы не царствующая особа, вы девушка, которая непременно должна нравиться». «Вовсе я к этому не стремлюсь», – подумала я про себя в ответ на этот в какой-то степени справедливый упрек. Действительно, во мне нет ни одной капли голубой крови. Но душу мою, уже весьма сильно растревоженную, все больше охватывали сомнения и протест. Человек никогда не должен поступать вопреки своим убеждениям, вопреки характеру. Не должен делать ничего, что он сам позднее будет вспоминать с неприятным чувством. Обожаю танцы и дружеские пирушки, люблю посмеяться – даже без повода! – но только тогда, когда мне весело, но я не в силах, пусть даже на короткое время, надеть на себя маску женщины, совершенно чуждой мне во всех отношениях, – женщины только на показ, для рекламы.

К счастью, это неожиданно поняли мои фотографы и даже заявили, что мне «к лицу» небольшая примесь славянской меланхолии.

Таким образом, я могла не заботиться об улыбке, от которой ныли лицевые мускулы и, что хуже, возникали морщины! Увы, оставались еще такие черты моих милых хозяев, как чрезмерная фамильярность. При моем появлении кто-нибудь из них мог, например, с ловкостью акробата взобраться на стул, дружески похлопать по спине либо – чего я совершенно не переносила – слегка ущипнуть за щеку. Правда, последнее позволяли себе только отцы семейств, да и то в присутствии своих супругов, тем не менее, всякая иная моя реакция, более резкая, чем желание отшатнуться, казалась им странной. Ведь подразумевалось, что ко мне проявлена отеческая симпатия.

Теперь самое время представить вам поближе мою личную охрану, моего дневного ангела-хранителя, журналиста Рануччо.

Рануччо, молодой человек лет двадцати пяти, был, к счастью, высокого роста и необыкновенно спокойного нрава. Его невозмутимость порой доводила меня до слез (конечно, я разрешала себе всплакнуть лишь наедине с собой, в гостинице) и до полного отчаяния. Видимо, по этой причине во мне со дня на день крепло злорадное чувство, что Рануччо такой же журналист, как я – пигмей.

Первым ушатом холодной воды, опрокинувшимся на мою бедную голову, была моя биография, созданная стараниями Рануччо. Узнав из нее о своем происхождении и судьбах близких мне людей, я была потрясена до того, что потеряла дар речи. Выйдя из шока, я, совершенно забыв, что Рануччо понимает только итальянский, закричала на родном языке: «Ты сошел с ума! Кому нужен этот бред?» Однако Рануччо, по-видимому, понял меня, ибо принялся объяснять, что, дескать, правдой никого не удивишь, а суть-то прежде всего в том, что люди жаждут необыкновенного, а если какие-то факты и подсочинить, так это ерунда, поскольку, прочитав, все равно никто ничего не запомнит. «Все так делают», – сказал он, добавив мне в утешение, что выдумывают вещи и похуже. Доныне удивляюсь, почему, к примеру, моя мама превратилась в армянку? Скорее всего, Рануччо некогда прочел биографию Азнавура...

Впрочем, плод его буйной фантазии был полностью одобрен Пьетро, который высказал мне свои резоны, в точности повторяющие доводы Рануччо. Вдобавок меня же еще и упрекнули: «Я предпринимаю все, чтобы привлечь к тебе внимание, а ты недовольна». Что мне было делать? Уехать домой? Расторгнуть договор? Даже на дорогу до аэропорта мне бы не

хватило, не говоря уже об обратном билете... А неустойку по договору пришлось бы платить до конца жизни. Я осталась. А вскоре пережила еще большее огорчение, совершенно заслонившее вопрос о моей биографии.

Срок моего первого пребывания в Италии подходил к концу. Встречи на Terrazza Martini и сослужившие службу рекламные снимки из домов моды давали свои результаты. Пресса почти ежедневно и довольно много писала обо мне. И теперь, когда публика узнала обо мне из моих интервью, осмотрела со всех сторон в разнообразных туалетах (какие только удалось на меня натянуть), можно было позволить и спеть. Потому что с некоторых пор стали возникать сомнения: «Ну ладно, все это хорошо, но, вообще-то, она действительно поет?»

Оказалось, что это был заранее выработанный план Пьетро, которым он ужасно гордился. А главным исполнителем плана был, конечно же, Рануччо. Если бы не он... Некоторые качества Рануччо убеждали меня, что все-таки есть в нем что-то от настоящего журналиста.

Помню, как однажды потребовалась серия снимков в аэропорту. Чтобы попасть на его территорию, нужно было все-таки быть Рануччо. Только ему удалось этот номер – снимать без разрешения. В итоге я была сфотографирована возле самолета, на крыле, под крылом, в кабине, за кабиной, возле пульта и т. д. Недоставало лишь фотографии – я в полете. Другой особенностью характера Рануччо, которая меня искренне изумляла, было его отношение к женщинам. Он был убежден, что всякая женщина, едва лишь взглянув на него, воспламеняется любовью. Разумеется, к нему, к Рануччо.

Когда-то у нас демонстрировался итальянский фильм с Доменико Модуньо в роли шофера. «Как она на меня посмотрела!» – восторженно восклицает Модуньо, обращаясь к своему товарищу – шоферу. Речь шла о девушке, которая, переходя дорогу, бросила случайный взгляд в его сторону. Я думала, что это просто юмористический момент в фильме, имеющий мало общего с действительностью. Поэтому сначала со смехом воспринимала такие, например, возгласы Рануччо: «Ты заметила? Заметила, как она на меня посмотрела? Хорошо, что я сейчас в машине, а то бы она не оставила меня в покое...» «А этот Рануччо наделен чувством юмора», – с удивлением думала я, тем более что сходством с Рудольфо Валентино, который вызывал у женщин столь бурные чувства, Рануччо, пожалуй, не обладал. При всем том общество Рануччо очень скрашивало мое пребывание в Италии. Объективности ради, должна признать, что он прилагал немалые усилия, дабы угодить своему шефу. Он буквально разбивался в лепешку. Многие свойства характера Рануччо оказались в разительном несоответствии с моими – но в этом его вины нет. Я вспоминаю о нем с симпатией.

Наконец настал день, когда мне позволили выступить перед публикой, в прекрасном зале Circolo della Stampa в Милане (Миланский дом прессы. – *Ред.*).

Поскольку с концертом все получилось довольно неожиданно, у меня не было времени подготовиться к такому ответственному выступлению. Ему предшествовала одна-единственная репетиция с пианистом – утром; вечером должна была состояться вторая репетиция с музыкальным ансамблем уже в самом зале.

Я умолила Рануччо, чтобы он хоть раз не заставил себя ждать и привез меня в этот маленький дворец заблаговременно, что он и исполнил. Это был действительно превосходный зал. Я и всегда-то перед концертом нахожусь в полубоморочном состоянии, а тут еще чувство неуверенности, нервозность. Словно сквозь туман видела я золоченые рамы огромных, от пола до самого потолка, зеркал, трепет огней, жирандоли, канделябры...

Время от времени моего слуха достигала с набожным почтением рассказываемая история этого зала. Передо мной здесь выступал, точнее, произнес речь генерал де Голль, а до него побывал еще один француз, Бонапарт. Но он всего лишь спал в этом зале. Речей не произносил. Признаюсь, что эти исторические факты почему-то меня не ошеломили (а должны были!). Моя фантазия несколько оживилась, нарисовав роскошное ложе под балдахином, где спал маленький Великий Корсиканец. Но тем и ограничилась. К сожалению, все попытки подогреть вооб-

ражение пресекала безжалостная действительность. Сдерживая слезы, которые могли вот-вот хлынуть ручьем, я думала только об одном, а именно о том, что ведь самого главного – репетицию с музыкантами – осуществить уже не удастся.

Сколь же пустячными представились мне теперь все предыдущие горести!

Подготовлено и опробовано освещение, звук, телевизионные и кинокамеры (часть концерта предполагалось заснять на пленку), микрофоны. Моя персона запечатлена крупным планом и в иных ракурсах, только для репетиции с музыкой все не находилось времени.

А песни были трудные, с меняющимся ритмом, к тому же незнакомые итальянским музыкантам. Я пела с ними первый раз в жизни, так что о сыгранности и какой-либо импровизации не могло быть и речи.

Наконец маэстро проиграл по две фразы каждой из десяти песни. Публика уже заполняла зал.

После концерта, который прошел сверх ожидания хорошо, я узнала от Пьетро, что у меня слишком серьезный подход к делу, что музыка развлекательная, легкая, так что и относиться к ней надо соответственно. Да простит ему какой-нибудь из итальянских святых, а я не могу!

Тогда я еще не знала, что попаду во сто крат худшую историю. Во время моего второго приезда в Италию мы с Пьетро поехали на машине в Канны, на международную ярмарку грам-пластинок MIDEM.

Прибыли мы в Канны с опозданием по причине возникших неприятностей с визами на итало-французской границе. Горная дорога вилась такими зигзагами, что на протяжении всего нескольких километров дважды пересекала итальянскую территорию. А у меня имелось разрешение только на однократное пересечение границы. В итоге, после бесконечных дискуссий и составления протоколов, стражи порядка согласились на мой въезд на территорию Франции. (Обратный путь мы, во избежание неприятностей, проделали на самолете.) Итак, в Канны мы явились с большим опозданием.

Никакой репетиции с оркестром провести я, понятно, не успела – хорошо, что мне вообще удалось выступить, да и то лишь благодаря умению молниеносно переодеться и причесаться. До сих пор не могу понять, откуда у меня на это взялись силы, не говоря о том, что ведь пришлось еще и петь!

Семичасовое путешествие зимой на машине по извилистой горной дороге не способствовало хорошему самочувствию, так что Пьетро вынужден был часто останавливаться. Морская болезнь на пароходе «Баторий» казалась мне теперь невинным пустяком. Я думала, что мне уже не выйти из машины на собственных ногах. Тем не менее вышла – переоделась и встала перед микрофоном, буквально «с корабля на бал», без репетиции, не ознакомившись с новой аранжировкой песни «Вернись в Сорренто», разработанной специально для этого концерта. Единственное, на что я рассчитывала, – это на помощь дирижера, которого я знала.

И надо же такому случиться, что после того, как стихли приветственные аплодисменты, дирижер вместе с оркестром исчез за великолепным занавесом, отделяющим их от солиста! В адрес сценографа, которому пришла в голову эта гениальная идея, я высказала отнюдь не самые добрые слова (произнесенные, конечно, не вслух). Вследствие этого мне пришлось исполнять песню, полагаясь лишь на интуицию, изо всех сил пытаясь одновременно удержать равновесие на ватных, подгибающихся ногах, а также улыбку, которая, как мне было известно, транслировалась едва ли не всеми телевизионными компаниями.

И опять получилось, что Пьетро был прав, но какова цена... Об этом знала лишь я.

И подумать – не только никто ничего не заметил, напротив – моя манера исполнения очень всем понравилась и даже... Во мне обнаружили сходство с известной киноактрисой, так называемой «секс-бомбой». Поразмыслив, я пришла к выводу, что заслужила этот комплимент (а это, несомненно, высказывалось именно как милый комплимент) благодаря моим длинным светлым волосам и высокому росту. Ибо главного атрибута, делающего эту актрису секс-бом-

бой, я была, увы, лишена. Правда, не могу пожаловаться – у меня хорошо разработана диафрагма, благодаря этому мне есть чем дышать... и петь, но все же, я противница таких преувеличений.

Вернемся еще раз назад, в зал «де Голля и Бонапарта». В первом отделении концерта выступал негритянский ансамбль «The Folk-Studio Singers» со своими оригинальными блюзами. Необыкновенно талантливые ребята – они не только прекрасно пели и одновременно танцевали, но каждый еще играл на разных инструментах.

Что касается танца, способности двигаться по сцене, то у меня было много возможностей убедиться, что мы не в состоянии равняться в этом со своими черными братьями. Такой пластичности и грациозности движений, гениальному чувству ритма нельзя научиться. А если и научишься – все равно это не будет то же самое. С такими способностями надо родиться, иметь это в крови. Я подружилась с ансамблем. Они присылали мне открытки из своих путешествий по Италии, присылали поздравления в Сан-Ремо. Не забывали обо мне и тогда, когда я лежала в гипсе. Однажды приехали из Рима в Болонью – ради того лишь, чтобы принести цветы и пожелать здоровья. Сейчас, когда я пишу эти строки, как раз проходит Олимпиада в Мексике. Должна добавить, что с удовольствием слежу за спортивными состязаниями и вижу, что не только в танце, но и во многих спортивных дисциплинах эбеновые юноши и девушки недостижимы.

Концерт вел один из самых симпатичных конферансье, каких мне только приходилось встречать в Италии, – синьор Энцо Тортора. Он говорил тепло, без преувеличений, без потуг на роль королевского шута, что, увы, было свойственно некоторым конферансье.

После выступления, оставаясь на эстраде перед микрофоном, я должна была отвечать на «стихийные вопросы» публики. К счастью, перед открывшейся для публики возможностью получить, при этом из первых рук, столь важную информацию, как «Ваш рост?», потускнели все другие проблемы, касающиеся международного положения и даже... песни. Поскольку заверения, что мой рост «184 см без каблучков», не вполне убедили публику, я быстро нашла способ удовлетворить ее любознательность, следуя лозунгу «Наш клиент – наш повелитель». Я предложила, что будет лучше всего, если кто-нибудь из почтенных, известных данной аудитории синьоров выйдет на сцену, встанет рядом и померится со мной ростом. К моей радости, вышел ужасно долговязый мужчина, актер, возле которого, став без каблучков, я сама себе показалась ниже среднего роста!

Подобное героическое «самоуничтожение» я практиковала отнюдь не впервые. По окончании международного фестиваля в Остенде (Бельгия) в 1965 году происходило вручение наград – в чудесном зале «Курсал» («Курсал» – большое казино в Остенде, где проходили самые громкие мероприятия, в том числе международные конкурсы. – *Ред.*). Всех участников фестиваля пригласили на сцену. С минуту мы стояли среди многоцветия ламп и вспышек «блицев». Потом на сцену поднялся бургомистр и зачитал очень милую и сердечную речь, после чего вручил певцам награды за три первых места – выполненные из металла парусные корабли на мраморной подставке. Первую награду – «Золотой парус» – завоевала тогда Моника Лейрак, «Серебряный» – гречанка Ники Камба, хорошо известная нам по Сопоту, «Бронзовый» достался мне. Приветствуя по этому случаю награжденных, господин бургомистр обратился к истории суровой и прекрасной Канады, потом к прекрасным традициям Древней Греции, упомянул Орфея. Я была восхищена его поэтическими сравнениями. Но когда дошла очередь до «Бронзового паруса», бургомистром внезапно овладело мучительное чувство приниженности. Терпеливо выслушав его сетования, я ответила с полным пониманием: «Что же я могу для вас сделать? Пожалуй, только это...» Тут я моментально сбросила золотые туфли с шестисантиметровыми каблучками и встала рядом в одних чулках. Эффект был точно такой, как и на этот раз, в Италии.

Публика чрезвычайно развеселилась и выглядела вполне довольной. (Все комментарии в обоих этих случаях оставляю при себе.)

В конце концов, кому-нибудь может прийти в голову вопрос: «Если ей было там так плохо, почему же она продолжала это, во имя чего?»

У меня была цель, которая «оправдывала средства».

Семья моя состоит из мамы и бабушки. Отца я потеряла, будучи двух лет от роду. Так что все, чего мне удалось достигнуть в жизни, мое образование я получила благодаря заботам, любви и тяжкому труду этих двух самых близких мне женщин.

Выпавшая нам судьба не была слишком милостива. В ней отразилось все то, из чего складывалась жизнь сотен тысяч людей в годы последней войны, вкуче с голодом, изгнанием, подчас гибелью целых семей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.